

Старый, пока я не достиг половой зрелости

По их возвращении весь Эдорас приготовился к пиршеству и празднованию. В ту же ночь Золотой зал был заполнен простыми людьми, воинами, членами королевской семьи, парочкой волшебников, смехом, музыкой, едой и напитками. Жители Рохана ели, пили, пели и танцевали.

В Золотом зале было три длинных стола, идущих параллельно друг другу, а с западной стороны стоял ряд из трех бочонков эля. Служанки Рохана принесли еду и поставили блюда на столы. Гарри сел за стол, ближайший к бочонкам, откуда мог видеть всю комнату.

Король встал, и в комнате стало тихо, так как все взгляды сразу же были обращены на него. Теоден поднял кружку и произнес тост: «Сегодня мы помним тех, кто отдал свою кровь, чтобы защитить эту страну. Приветствую павших-победителей!»

Комната взорвалась аплодисментами, и каждый присутствующий из Рохана поднял свой напиток, чтобы выпить за прекрасного короля. Гарри вежливо потягивал свой эль в память о павших: человеке и эльфе. Гимли уже выпил две кружки и поджарил третью.

Карлик грохнул свою пустую кружку на деревянный стол, заставленный едой, и расхохотался над своей непристойной шуткой, которую, казалось, понял только он один. Рядом стоял Леголас и приветливо улыбался тем, кто осмеливался заговорить с таинственным эльфом. Арагорн праздновал с мужчинами Рохана, пока два хоббита пили, смеялись и пели.

Сондим стоял возле бочки с элем и наливал гостям кружку за кружкой. Он передал напиток третьему маршалу Риддермарка. Эомер принял напиток от Сондима и взъерошил мальчику волосы, когда по комнате прокатился новый крик смеха.

Молодой волшебник был удивлен, когда Эомер сел рядом с ним и на мгновение отвлекся от Гимли, когда тот объяснял эльфу правила состязания по выпивке. Леголас встал на одном конце стола, а Гимли сел на другом, и они начали пить кружку за кружкой эля. Вначале Сондим едва успевал за парочкой, но вскоре смог замедлиться, так как пьющие были слишком пьяны, чтобы пить так же быстро, как раньше, и наслаждаться странным подшучиванием между эльфом и гномом.

После их десятого эля Леголас моргнул и уставился на свою руку, как будто никогда раньше ее не видел, пока шевелил пальцами. «Я чувствую покалывание в кончиках пальцев».

Эомер рассмеялся и поднял свою кружку в знак признательности за умение эльфа пить. Гарри с беспокойством наблюдал, думая только о возможности отравления алкоголем. Гимли ответил довольно громкой, отвратительной отрыжкой и посмеялся над своим остроумием. Хотя у Рона были плохие манеры за столом, даже от него не было такой тошноты. Волшебник с отвращением сморщил нос: «Все гномы такие, как этот?»

«Судя по тому, что было рассказано, я считаю, что это так». Эомер много пил из своей кружки и наблюдал, как Гимли выпил кружку за один раз, возможно, выпив больше, чем выпил.

"Очаровательный." Гимли снова рыгнул. Гарри покачал головой: «Отвратительно, но увлекательно».

Гимли начал стучать своей пустой кружкой по столу в такт музыке, когда два хоббита начали петь. Гарри посмотрел на середину комнаты, где на столе танцевали Мерри и Пиппин. Песня в баре была довольно запоминающейся, и Гарри ухмыльнулся их выходкам.

" О, ты можешь искать - вдоль и поперек

Столько земель, сколько можно найти,

Но ты никогда не найдешь пива такого коричневого цвета,

Как то, которое мы пьем в нашем родном городе .

Ты можешь оставить свой модный эль

, Ты можешь пить его бутылками,

Но единственное зелье, для храбрых и верных,

исходит от Зеленого Дракона !»

Они пели и пили, устраивая своеобразное шоу, чтобы развлечь жителей Рохана. Гарри заметил, что Гэндальф хлопает в ладоши под музыку, стоя в одиночестве на краю толпы. Он завидовал своему уединенному положению и вышел из-за стола как раз в тот момент, когда карлик рыгнул и потерял сознание.

Гарри подошел к волшебнику и вздохнул с облегчением. Там, где стоял Гэндальф, в комнате было не так шумно, поскольку толпа оставалась довольно централизованной. Пожилой мужчина ухмыльнулся молодому волшебнику: «Слишком много празднования?»

«Мне никогда не было комфортно в толпе. Слишком заманчивая цель для плохих парней. Я не люблю испытывать судьбу». Гарри признался. «Когда люди слишком счастливы, слишком расслаблены, тогда трагедия случается быстро и сильно».

Гэндальф протрезвел после слов Гарри: «Ты прожил тяжелую жизнь, если у тебя такой измученный взгляд в таком юном возрасте».

«Я упомянул, что мои родители были убиты у меня на глазах, когда я был совсем маленьким. Я рос с тетей и дядей, которые ненавидели магию. Дядя Вернон думал выбить это из меня, заставить меня быть «нормальным»... или то, что он считал нормальным Я не знал, что магия реальна или что я волшебник, пока мне не исполнилось одиннадцать, когда меня приняли в

специальную школу только для волшебников и ведьм.

«Я отправился в Хогвартс, как только узнал о своем наследии. Каждый год я подвергался испытанию на верность и способности, пока не разразилась война, когда мне было пятнадцать.

«Рост на войне, где смерть и пытки являются повседневным явлением, заставляет человека очень быстро повзреть, особенно когда было предсказано, что вы должны положить конец войне, и только вы можете, потому что так сказано в пророчестве». Гарри наблюдал за пьющими и танцующими хоббитами. «Я никогда не был нормальным ребенком. Старым до того, как достиг половой зрелости».

Арагорн присоединился к волшебникам, чтобы передохнуть от празднования. После второго взгляда на Гэндальфа Гарри спросил: «Хочешь немного уединения? Я легко могу отойти».

Рейнджер криво усмехнулся молодому человеку: «В этом нет необходимости. Я просто думал о Фродо».

"Хоббит с хоркруком?" — спросил Гарри, понизив голос на последнем слове.

"Хоркрук?" Арагорн моргнул, показывая свое замешательство.

Гарри увидел, как проходившая мимо женщина посмотрела на них, когда Арагорн заговорил, и быстро набросил на троих защитный барьер: «Хоркрук — это предмет, который волшебным образом удерживает в себе часть души человека, делая этого человека бессмертным до тех пор, пока его отделенная душа Часть в безопасности Это кольцо, которое носит твой друг, Фродо, действует почти так же. Твой Темный Лорд живет, пока это кольцо цело.

«Что действительно беспокоит в хоркруках, так это то, что их практически невозможно уничтожить, а негативное влияние, которое он оказывает на человека, несущего предмет, может быть либо опасным для жизни, либо изменяющим сознание». Гарри посмотрел вдаль, вспоминая свои собственные встречи.

«Ах, — Арагорн содрогнулся от отвращения при мысли о хоркруках, — значит, Фродо находится в еще большей опасности, чем я думал сначала, пока у него есть кольцо».

«У молодой ведьмы был один в возрасте одиннадцати лет. Этот конкретный крестраж был дневником, который взаимодействовал с ней». Гарри закрыл глаза, рассказывая историю Джиневры Уизли: «Она была маленькой одинокой первокурсницей и писала на ее страницах. Она сказала, что дневник был ее единственным другом. Все это время крестраж питался ее жизненной силой и становился целым. еще раз, пока она медленно умирала».

— Она погибла?

Глаза Гарри распахнулись, и его голова резко повернулась к Гэндальфу, он забыл, что старший мужчина все еще был рядом с ним. «Нет. Я уничтожил крестраж ядом василиска. В тот момент, когда дневник был уничтожен, Джинни освободилась, и она выжила. К сожалению, у меня нет яда, чтобы разрушить кольцо».

— Сколько ты уничтожил, юный Истар? — тихо спросил Арагорн.

«Дневник был первым, — волшебник обхватил себя руками за туловище, — следующим было кольцо, затем медальон, кубок, диадема, змея и последним... был я».

— Ты хоркрукс?

«Был... я был хоркруксом».

«Как перестать быть хоркруксом?» Арагорн моргнул: «Как можно стать хоркруксом?!»

Гарри поднял челку и обнажил печально известный — по крайней мере, в волшебном мире — шрам, позволив Арагорну увидеть его, прежде чем опустить руку обратно на бок: «Моя мать провела какой-то ритуал с рунами. Убей меня, его защита сработала в тот момент, когда она пожертвовала своей жизнью ради меня. Он применил ко мне убивающее проклятие. Оно отскочило благодаря моей матери. Его душа, уже оторванная от двух убийств, которые он совершил до активации ритуала, была Один фрагмент прицепился ко мне, другой был выпущен в мир, а его тело уничтожено.

«Чтобы высвободить фрагмент внутри меня, я, как и любой хоркрукс, должен был быть уничтожен». Гарри посмотрел на двух мужчин: «Я умер».

— Но ты... — слова Арагорна оборвались, и Гарри полуулыбнулся.

«Я не остался мертвым». Гарри обратил внимание на празднование: «Я не говорю, что не могу умереть. Я просто говорю, что меня трудно убить».

Гэндальф посмотрел на подростка: «Ты уничтожил их всех?»

«У меня было много помощи». Гарри рассказал: «Я охотился за хоркруксами, но уничтожил только первый. Дамблдор — директор и лидер Света — позаботился о кольце, Рон — мой лучший друг — получил медальон, Гермиона — мой лучший друг... кубок, Крэбб — один из лакеев Волдеморта — непреднамеренно сжег диадему вместе с собой, когда пытался схватить меня, Невилл — мой друг — убил змею — насколько я слышал, это было зрелище, змеиная голова отлетел ударом заколдованного меча — и Волдеморт убил меня».

— Разве это не он, которого ты победил?

"Одинаковый." Подросток сменил тему со своего прошлого на вопрос, который Арагорн предназначал Гэндальфу: «Есть новости о Фродо?»

«Ни слова», — Гэндальф заколебался, и его голос звучал почти потерянно, — «Ничего».

«У нас еще есть время». Когда Гэндальф вопросительно склонил голову, Арагорн продолжил: «Каждый день Фродо приближается к Мордору».

"Знаем ли мы это?"

Голос пожилого человека звучал скептически, но Арагорн подсказал: «Что говорит тебе твое сердце?»

Гэндальф слегка устало улыбнулся и прозвучал почти задумчиво: «Этот Фродо жив».

Гарри тихо слушал разговор двух старых друзей и успокаивающе вздохнул, прежде чем оглядеть пир, пока празднование замедлялось. Два хоббита больше не танцевали на столе, а вместо этого решили развлечь слушателей своими рассказами о приключениях. Гимли вырубился на столе. Леголас стоял на том же месте, где стоял, когда Гарри ушел с соревнований, только вместо того, чтобы пить, он разговаривал с Эомером и Халет.

"Куда мы отправимся отсюда?" Гарри спросил: «Каков наш следующий шаг? Я не могу представить, что мы останемся здесь, в Рохане — в безопасности в Золотом зале, будем пить, пока не потеряем сознание, есть, пока не сможем ходить — пока Фродо не доберется до Мордор».

«Нам нужно, чтобы Теоден присоединился к войне. В настоящее время он считает, что в этом нет никакой срочности, так как Битва за Хелмс Падь прошла успешно». Арагорн скрестил руки перед собой и нахмурился. «Война будет распространяться и придет к границам людей».

— Мы должны уговорить упрямого короля сделать то, против чего он категорически против? Когда Арагорн тихонько фыркнул на выбранные Гарри слова, молодой волшебник покачал головой: «Не считай меня. Он все еще едва прощает меня».

— Ты извинился, не так ли? Арагорн практически зарычал.

"Да!" Гарри фыркнул: «Даже если бы я этого не хотел».

"Гарри..."

«Я был искренен в своих извинениях. Я не говорил ничего, кроме правды. Я не должен был

Гарри зашипел, когда его лоб взорвался ослепляющей белой болью, когда кончики его пальцев коснулись палантира, Арагорн вскрикнул от шокирующей боли, схватив шар обеими руками. Молодой волшебник зарычал и направил свою палочку на рейнджера: «Ваддиваси!»

Глобус снова взмыл в воздух и с глухим стуком приземлился, помяв деревянный пол, и покатился к Пиппину. Арагорн рухнул на пол, задыхаясь. Гарри покачнулся и прижал ладонь к своему шраму, когда боль постепенно ослабла. Гэндальф накрыл палантир одеялом, и все вздохнули с облегчением. Гимли буркнул себе под нос и натянул одеяло на голову.

Гэндальф повернулся к Пиппину и прорычал: «Дурак Тук!»

Гарри поморщился от громкости выговора, а Пиппин поморщился от резкого тона. Маленький хоббит начал дрожать, бормотать и раскачиваться взад-вперед. Гарри наткнулся на свою сумку, вытащил маленький чемоданчик с зельями и отыскал успокаивающее зелье. Молодой волшебник присел перед Пиппином и сорвал печать, прежде чем сунуть ее большему брютету. «Вот, Пиппин, выпей это. Это успокаивающий напиток, чтобы ты не впал в шок».

Рука Пиппина слишком сильно дрожала, и Гарри поднес флакон к губам, помогая ему выпить зелье. Хоббит на мгновение закрыл глаза и громко пробормотал: «Прости меня».

Пожилой волшебник присел перед хоббитом и обратился к нему. Его тон стал спокойнее, но все еще присутствовала настойчивость: «Посмотрите на меня! Что вы видели?»

«Дерево... Там было белое дерево...» Брюнет хоббит открыл глаза и посмотрел на Гэндальфа: «Оно во дворе из камня. Оно было мертвым». Голос Пиппина был монотонным, когда он продолжил: «Город горел...»

— Минас Тирит? Гэндальф не спросил ни у кого конкретно, прежде чем снова сосредоточиться на Пиппине: «Это то, что ты видел?»

Пиппин выглядел сбитым с толку, продолжая бормотать бессвязные мысли, роящиеся в его голове: «Я видел... я видел его ... я слышал его голос в своей голове».

Мерри ахнул, но Гэндальф не позволил Пиппину отвлечься: «И что ты ему сказал? Говори!»

Хоббит инстинктивно отшатнулся от проявленного гнева: «Он спросил, как меня зовут, я не ответил...» Пиппин ошеломленно уставился на Гэндальфа, «он сделал мне больно».

— А как же Фродо? Гэндальф схватил хоббита за плечо и едва сопротивлялся желанию встряхнуть брютетку: «Что ты сказал ему о Фродо и Кольце?»